

периоде независимости джиз, окончившемся со смертью их знаменитого полководца Лорианга, который в течение многих лет отстаивал свободу своего народа в борьбе с английскими властями Уганды. Недаром за воинственность, смелость и независимость этот народ еще в давние времена получил от своих соседей имя «нгиджиз» — сражающийся народ.

Книга Джона Лампье «Традиционная история джиз Уганды» — большой научный вклад в этнографию народов Восточной Африки. Это исследование не только вносит много нового, разъясняя ряд сложных, прежде представлявшихся совсем иначе, вопросов, но и содержит богатый материал для дальнейшей работы над историей центральных паранилотов, а также для изучения этносоциальных проблем народов Африки.

*К. П. Калиновская*

**Ю. К. Поплинский.** Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978, 203 с.

Вопросы о роли и месте древней Африки в истории человечества, о взаимоотношениях древних африканцев с соседями (не только на суше, но и с моря), об этнокультурных контактах в Средиземноморье и о влиянии, которые эти контакты оказывали на Африку, очень важны; значение этих моментов в истории трудно переоценить.

На эту тему написано довольно много работ, но лишь после археологических находок последнего времени, существенно расширивших наши представления о древней Африке, стало возможным перейти к теоретическим обобщениям широкого плана, сопоставляющим обширный материал о древних цивилизациях по обе стороны Средиземного моря. Однако сопоставление это было бы невозможно без тщательнейшего, детального анализа тех данных, которые содержат сообщения античных, прежде всего греческих, авторов, особенно Геродота. С другой стороны, взглянуть на многократно комментировавшиеся данные древних по-новому, оригинально истолковать их можно лишь на основе того, что дала за последнее время археология. А достижения археологии нельзя представить себе в полной мере, не проверив их в свою очередь данными историков античного зремени.

Иначе говоря, исследователь, обратившийся к такой теме, должен иметь в своем активе не только обширные историко-этнографические познания в африканистике и смежных науках, но и основательную подготовку по филологии, истории и культуре древней Греции и Рима. Обладая именно таким комплексом знаний, Ю. К. Поплинский смог избежать опасной односторонности в своих сопоставлениях и показать обоих партнеров в этнокультурном взаимодействии достаточно полно и объективно.

Прежде всего, достоинством работы мне представляется стремление Ю. К. Поплинского рассмотреть проблему этнокультурных контактов Африки на основе марксистско-ленинской теории исторического единства человечества и взаимного влияния культур.

Во-вторых, на обширном конкретно-историческом и этнографическом материале в работе показаны реальные возможности и пределы контактов Африки и Эгеиды в избранный для исследования период (II тысячелетие до н. э.).

В-третьих, на основе методики, выработанной самим Ю. К. Поплинским, изучаются важнейшие проблемы этнической истории Африки II — начала I тысячелетия до н. э. Привлекая материалы этнографии, антропологии, археологии (в том числе и анализ многочисленных наскальных росписей), лингвистики, истории, фольклора и ономастики, автор смог добиться значительно больших успехов, чем его многочисленные предшественники. Комплексный подход, представляющий одно из несомненных достоинств исследования, позволил Ю. К. Поплинскому добиться успеха и в теоретическом плане. Результаты говорят сами за себя.

Первая глава книги посвящена Эгеиде. Для рецензента особенно важными представляются те ее разделы, где речь идет о внешних связях Эгеиды и о маршрутах плаваний эгейцев к африканскому побережью. Тезис Ю. К. Поплинского о том, что на более раннем этапе афро-эгейских контактов осваивалась преимущественно восточная зона побережья Северной Африки, западная же часть этого побережья включилась в контакты позднее (стр. 81—86) — вполне убедительно аргументировано автором.

Подробнее хотелось бы остановиться на второй главе, содержащей этническую и хозяйственно-культурную характеристики Северной Африки II — начала I тысячелетия до н. э.

Прежде всего Ю. К. Поплинский ставит перед собой задачу восстановить в той мере, в какой это возможно, этническую карту Африки изучаемого им времени, привлекая для этой цели античные источники, данные археологии, этнографические материалы. Весьма перспективным в его исследовании оказался путь реконструкции транс-сахарских маршрутов. Густая их сеть, как справедливо утверждает Ю. К. Поплинский, служит убедительным доказательством существования тесных контактов европеоидных автохтонов Северной Африки с негроидными обитателями Судана, а затем и с еще

более отдаленными от побережья районами континента. Это позволяет автору прийти к выводу о посреднической роли ливо-берберов в связях Африки со средиземноморскими народами. До конца I тысячелетия до н. э. Северная Африка и Сахара играли роль «центра» по отношению к Судану и глубинным районам Африки (стр. 101).

Предприняв затем удачную попытку определить хозяйственно-культурные типы изучаемого района, Ю. К. Поплинский убедительно связывает появление изображений лошади и колесницы в сахарских росписях с эгейскими контактами севера континента, прежде всего с вторжением в Ливию и Египет так называемых «народов моря» в XIV в. до н. э.

Это подводит его к одному из ключевых аспектов проблемы — к вопросу о гарамантах.

Не скрою, что этот раздел особенно привлек мое внимание, прежде всего потому, что мне самому когда-то довелось немного поработать над этой темой<sup>1</sup>. Кроме того, гарамантская проблема, безусловно, одна из интереснейших в африканистике. Причем все данные античных источников об этом народе можно изложить на нескольких машинописных страницах, нередко они (по крайней мере, на первый взгляд) противоречат друг другу. Ю. К. Поплинский совершенно прав, отмечая, что монографические исследования о гарамантах до сих пор отсутствуют, а какие бы то ни было попытки что-то о них написать до раскопок экспедиции Паче-Серджи-Капуто (1930-е годы) были обречены на неудачу.

В самом деле, мы не знаем, как назывался этот народ по-настоящему (но знаем, что гараманты не самоназвание); нам ничего не известно о начальном периоде его истории, да и о том времени, которое зафиксировано в источниках, знаем лишь очень мало. После того как III легион Августа, стоявший на гарамантской границе, был переведен на Рейн, сведения стали и вовсе отрывочными. Сообщение Иоанна Бикларского о крещении гарамантов византийцами (VII в. н. э.) было и остается последним. С этого времени гараманты исчезают бесследно, и попытки связать их с ранними этапами истории теда или туарегов остаются пока лишь гипотезами.

Каждый, кому приходилось хоть немного писать о гарамантах, ощущал, с одной стороны, сколь незначительны итоги сделанного предшественниками, с другой же — чувствовал, как трудно добиться здесь хоть каких-нибудь новых позитивных результатов.

Ю. К. Поплинскому это удалось.

Прежде всего, он первый в нашей (и в зарубежной) науке связывает исследование гарамантской общности с «рассеиванием в глубь материка эгейцев — участников походов „народов моря“» (стр. 115). Далее, он впервые обосновывает концепцию, согласно которой формирование этноса гарамантов следует датировать не началом I тысячелетия, как считалось до сих пор, но концом XIV — XIII вв. до н. э. (стр. 180). Очень интересно решает он и вопрос о «гарамантских колесницах», обоснованно связывая его с проблемой территории гарамантов.

Рассматривая римско-гарамантские отношения, Ю. К. Поплинский убедительно их анализирует, объясняя сохранение гарамантами автономии и торговых привилегий.

Наконец, автор дает общую характеристику гарамантской культуры, связывая ее особенности с афро-эгейскими контактами. Этот очень перспективный путь исследования подкрепляется точным анализом наскальных изображений, устной легендарной традицией некоторых народов Эгейского моря, да и самого термина «гарамант».

Заслуживает самого пристального внимания соображение Ю. К. Поплинского по поводу антропологического облика гарамантов. Вывод о социальной обусловленности пестроты их антропологического состава представляется интересным. В свое время мне приходилось заниматься этим вопросом и, думаю, вывод Ю. К. Поплинского не противоречит той оценке гарамантского общества, которую я пытался дать.

В заключение автор дает концентрированное изложение основных итогов своей работы, связывая полученные им данные с последующими этапами этнокультурного развития континента.

Работа Ю. К. Поплинского, вне всякого сомнения, — интересное и ценное исследование. Ему удалось сказать свое слово по одному из наиболее сложных и наименее разработанных вопросов этнической истории не только Африки, но и обширнейшего района Средиземноморья. Монография привлекает широтой охвата материала, умением увидеть новое там, где достаточно долго трудилось уже не одно поколение исследователей.

Подходя к традиционному для рецензий месту, содержащему претензии в адрес автора, испытываешь немалые затруднения. Ю. К. Поплинского можно упрекнуть, может быть, в некоторых повторах (их, впрочем, совсем немного). Книга его не свободна, к сожалению, от опечаток, иногда очень досадных (на стр. 114, например, VII в. до н. э. вместо VII в. н. э.); впрочем, это уже упрек не автору, а издательству. В книге, где анализируются взгляды многих и многих десятков специалистов, необходим не только указатель географических и этнических названий, но и именной.

И еще об одном обстоятельстве. Ю. К. Поплинский стремился разместить свое исследование на небольшой «площади» (13 печ. л.). Многие из того, чем он располагает,

<sup>1</sup> А. Д. Дридзо. Гараманты (к вопросу о реконструкции истории и культуры). — «Страны и народы Востока», вып. 8 М., 1969.

осталось поэтому «за бортом» книги. Между тем и важность темы, и уровень, на котором она разработана в рецензируемой работе, побуждает уже сейчас ставить вопрос о втором и, добавим, расширенном издании, где гарамантская проблема заняла бы еще более значительное место.

На его страницах хотелось бы видеть, во-первых, возможно более полный обзор источников по гарамантам (в идеале приложением к такой книге мог бы стать даже сам свод этих источников). Во-вторых, в процессе анализа того, что эти источники содержат, подробнее можно было бы (и нужно было бы) развить вопрос о тех эпитетах, которые в античных источниках (и затем в средневековой литературе) сопутствовали термину «гарамант». Данные, приведенные автором XVIII в., которыми, скажем, пришлось пользоваться мне, разумеется, далеко не исчерпывающи.

Более подробно удалось бы осветить моменты, связанные с посреднической ролью гарамантов в римско-африканской торговле. Данных, например, о торговле дикими зверями для цирков Рима имеется не так уж мало.

Интересно было бы, далее, уделить место истолкованию того пассажа у Плиния, где говорится, что царь гарамантов был свергнут, бежал, а затем вернулся и снова завоевал свой престол, предводительствуя, если мне не изменяет память, сотней собак. В свете афро-егийских контактов это место можно было бы рассмотреть по-новому.

Появилась бы возможность еще подробнее развернуть аргументацию относительно предполагаемых связей гарамантов с туарегами и теда. Проблема эта, как справедливо отмечает Ю. К. Поплинский, пока еще не решена. На протяжении десятилетий многие авторы увлекались (и продолжают увлекаться) заманчивым созвучием слова «гар» в языке тамашек с этнонимом «гараманты». В связи с этим вспоминается ядовитое замечание одного исследователя: «Как заманчиво выглядит этноним „мусуламии“ у Птолемея... Разве он не похож на слово „мусульмане“?».

Впрочем, все эти соображения относятся уже не к рецензируемой монографии Ю. К. Поплинского, а к той, которую очень хотелось бы видеть вышедшей из-под его пера через несколько лет.

В заключение же еще раз подчеркну: работа Ю. К. Поплинского — значительный вклад в науку. Выполненная на стыке африканистики и истории античности, она еще раз доказывает чрезвычайную плодотворность такого рода направления в исторической этнографии. Написана работа превосходным слогом, легко и изящно (к сожалению, не частое явление в научной литературе). Ее интересно было читать и ее хочется настоятельно порекомендовать не только античникам и африканистам, этнографам и историкам древности, но и более широкому читателю.

А. Д. Дридзе